

Минее октябрьской. М., 1619 г. из библиотеки Л.А.Гребнева (НБ УрГУ. XVII.174п/3105), которую он приобрел в 1923 г., на форзацном листе его рукою указаны дни ангела самого Гребнева и ближайших родственников, приходящиеся на октябрь.

²² БРАН. Вятское (74) собр. № 156.

²³ Устав домашний. НБ УрГУ. XIX.33п/3657.

²⁴ КОКМ. Ф. Гребнева Л.А. Д.8.

²⁵ Там же. Д.13.

²⁶ БРАН. Вятское (74) собр. № 156. Л.3.

²⁷ КОКМ. Ф. Гребнева Л.А. Д.13. Л.5.

²⁸ Там же. Л.4.

²⁹ Там же. Л.3.

Л.С.Соболева

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ИДЕАЛЫ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ПАФОС «НАКАЗА» В.Н.ТАТИЩЕВА

XVIII в. фортуна была благосклонна к Уралу. Добрым гением края был Василий Никитич Татищев. Его прямой и энергичный характер, недюжинные способности, знания и умение находить решения отвечали запросам времени. Многогранность и масштабность его деятельности словно не имели границ. Он мог все, если этого требовали интересы Отечества.

Татищев прибыл на Урал, благодаря счастливой случайности. Ему было 34 года, он прошел школу военной службы и дослужился к тому времени до чина капитан-поручика артиллерии. По логике XVIII в. артиллерия была отнесена к одному ведомству с гор-

ным делом — Берг-коллегии. Ее глава граф Брюс знал и ценил Татищева как ревностного исполнителя служебных обязанностей, а также как человека энергичного, стремящегося к научным знаниям. Сочетание деловых качеств и творческого потенциала стали основанием для рекомендации Татищева Брюсом Петру Первому, и в марте 1720 г. последовал указ об его отправке на Урал.

Во время службы в армии Татищев неоднократно бывал за границей, последнее его путешествие длилось 4 года. Будучи человеком очень талантливым, Татищев не только усваивал отдельные науки, но и впитывал общую атмосферу европейского образа жизни. Главное отличие заключалось не просто в существовании в развитых странах Европы наук и технологий, которые только начинали зарождаться в России, — куда более важной была разница в сознании людей. Ощущение своего достоинства, значимости личности, независимости и равенства людей в их человеческой сути были главнейшими достижениями европейской цивилизации, прошедшей упоение Ренессансной культурой и обратившейся в восемнадцатом веке к мысли о рациональном устройстве мира, ответственности и долге человека перед государством. Для России все это было ее будущим.

Конструктивное влияние на практическую деятельность Татищева оказали идеи Лейбница, немецкого философа и ученого. Лейбниц выступал в роли советника Петра, особенно в деле распространения наук в России и организации оптимального государственного устройства¹. Стремление Татищева в своих преобразованиях учитывать все существующие стороны человеческого бытия — следствие учения Лейбница о всеобщей взаимосвязи или единообразии законов природы.

Татищев получил в свое распоряжение огромную территорию. Это была его Америка, он чувствовал свою ответственность не только за организацию заводского производства, но организацию жизни целого края, причем как в настоящем, так и в будущем. Многое зависело от того, какие конкретные порядки станут правилом жизни для людей, какие отношения сложатся между различными общественными группами, существующими в регионе. Эта, по сути, дикая часть земли на глазах должна была преобразоваться в часть Российской империи. Татищев был здесь своего рода Робинзоном Крузо, популярным героем романа Дефо, написанного в 1719 г., который, сочетая силу характера, разум и трудолюбие, сумел остаться цивилизованным

человеком на необитаемом острове и преобразовать его. Разница была в масштабе. Татищеву предстояло сделать цивилизованным целый край и привлечь к этой задаче других людей, от разума, знаний и практической сметки которых зависел успех дела.

Для века Просвещения гармония мира есть прежде всего его упорядоченность, четкая иерархичность, разумность и структурность. Хаос и неисполнительность, беспорядок и произвол раздражали и казались просветителям главными причинами отсталости. Татищева не устраивало то плачевное состояние, в котором он обнаружил первые заводы Урала. Вступив в должность, он нашел что невозможно управлять заводами без конкретизации обязанностей ряда должностных лиц, особенно тех, от кого зависело ежедневное состояние дел². От центра ждать указаний было бессмысленно, потому что было необходимо учитывать местные условия. По истечении некоторого срока Татищев пишет «Наказ» комиссару уктусского завода Т. Бурцеву от 29 февраля 1721 г. Этот важный документ лежит в основе развернутого «Наказа» 1723 г. и позднейших уставов, созданных в 1734 — 35 гг³.

На первый взгляд это исключительно производственные документы: именно так их оценивали исследователи, считая самым существенным в них конкретные предложения по организации производства. Признание их значения для развития уральской промышленности заслонило их общественный, гражданственный смысл. Между тем эти документы важны еще и потому, что в них, как в других сочинениях Татищева, выражены просветительские взгляды человека Петровской эпохи. Перед нами целостная система представлений Татищева о тех направлениях в развитии края, которые необходимо было учитывать при его преобразовании. Убеждения Татищева не были просто теоретическими размышлениями. Для него, человека дела, главным было воплотить свои установки в конкретные результаты. Татищев хорошо понимал, что создание производства нового типа требует и иного работника. Поэтому «Наказ» Татищева, помимо вопросов организации производства, дает начало длительному процессу становления новой личности в условиях новой России. О «собственных Платонах и быстрых разумом Невтонах» будет мечтать потом Ломоносов и другие просветители.

«Наказ» состоит из 10 глав, в каждой из которых Татищев стремится упорядочить какую-то сторону заводского производства, управления и обыденную жизнь жителей завода.

Подобного рода сочинения имели свой жанровый прототип в древнерусской литературе XVI в. — Домострой. Этот памятник подробно описывал ведение хозяйства и взаимоотношения членов семьи, обязанности хозяина и поведение слуг, воспитание детей и отношение к государю, а также приготовление припасов и прочие житейские потребности. В соответствии с особенностями средневекового мышления конкретное и абстрактное были разведены в сознании средневекового человека. Отвлеченные идеи связывались с небесным, божественным началом, тогда как земное бытие обладало «конкретной вещественностью»⁴, поэтому описание бытового жизненного уклада сопровождалось подробнейшей детализацией.

Но «Домострой» — это не только сборник полезных советов, хотя их наличие придает памятнику практическую значимость, не исчезнувшую до конца и сегодня. В памятнике создается образ идеального дома, проповедуется реальная возможность гармонически устроенного пространства для человека на земле. Оказалось, что существует не только совершенное царство Божие на небесах, но и семейное царство в обыденной жизни. Вера в силы и возможности человека, в его созидательные способности объединяет статьи «Домостроя» в стройную концепцию, утверждающую идеал благополучной жизни. В XVI в. это прежде всего благополучие семьи, осененное божественной благодатью. Среди важнейших человеческих достоинств — честность и разумность, хозяйственность и умение экономить. Достоинство понимается как осознание прав и обязанностей в зависимости от места в феодальной и семейной иерархии.

Для Татищева «домом» становится государство, понимаемое как некая территориальная целостность, Урал и заводской поселок — словом, все, что нуждается в обустройстве и улучшении. Семейные, родственные связи, отношения со слугами, которые регламентировал «Домострой», сменяются государственным патронажем и взаимоотношениями между заводскими работниками. Для Татищева главным является создание идеального государственного устройства. Благо человека — это его полное соответствие потребностям государства⁵. Домостроевское представление об идеальном семейном пространстве сменяется представлением о государстве, служба которому и составляет цель жизни человека. Идеальное соответствие личности потребностям отечества дает счастливую возможность реализовать себя.

Свой «Наказ» Татищев начинает с указания в первой главе о принесении государю клятвы и крестного целования. Если в «Домострое» в первой главе читается рассуждение: «Како христианом веровати во Святую Троицу и пречистую Богородицу, и кресту Христову, и святым небесным бесплотным силам, и всем честным и святым мощем, и поклонятися им»⁶, то в данном варианте «Наказа» Татищев не вспомнит о церкви, и только в более позднее время появятся главы, посвященные духовным отцам и вере. В варианте 1723 г. Татищев афористически сформулирует цель: «чтоб всяк свое дело отправляя по чистой совести, со всяким верным радением и без лености».

Важнейшим моментом для Татищева был вопрос об организации канцелярии. Стало общим местом в работах историков признание роста бюрократии Российской империи XVIII в. вследствие небывалого увеличения бюрократических правил и организаций. Но, думается, что это не просто прихоть, в этом виделся тот единственный путь, который должен был увеличить ответственность работников при отсутствии личной заинтересованности. В организации канцелярии для Татищева существенны несколько моментов. Первое — это планирование. Он постоянно предлагает учитывать потребности завода «наперед» и заранее заказывать припасы разного рода, чтобы, не дай Бог, не было остановки производства. Такого рода требования он предъявляет к мастерам, которые должны быть не только профессионалами в своих областях, но и специалистами в организации производства. Второе — учет. Татищев настаивает на обязательном записывании в книгах всех выданных материалов, точном учете произведенных продуктов и отчете о работе в определенное время и по определенным параметрам.

В «Наказе» 1723 г. Татищев требовал завести 7 различных книг и со знанием дела подробно расписывал, что должна содержать каждая книга. Создается впечатление, что для Татищева существенны любые мелочи, иногда до смешного поражает отсутствие субординации между требованиями. Так, немало места он отводит тому, как выглядят отчетные книги, и велит брать с писцов денежный штраф за каждое исправленное слово. Строгость и соразмерность важны Татищеву в каждой детали, и отношение к работе должно быть одинаково добросовестным как у горного мастера, так и у конторского подъячего.

Важны замечания Татищева, в которых он формулирует то, что, говоря современным языком, принято называть кадровой поли-

тикой. Он осознает необходимость воспитания чувства собственного достоинства у заводчан, понимая, что опосредованно это связано с качеством работы. Поэтому в его «Наказе» запрещается бить «ботагами ни за какую вину», а можно только посадить «за караул». Обычного подмастерья может ударить только надсмотрщик и не более трех раз за день, да и то только «тонкою палкой». Во втором варианте «Наказа» он добавляет в правило наказания подмастерий требование «чтоб напрасно не оскорбить и наказание бы было вины достойно» (С.54). В ситуации XVIII в. это было проявлением гуманистического отношения к человеку. Для Татищева необходимо было сделать экзекуцию средством воспитания добросовестности, а не подавлением человека и не проявлением жестокости.

О более серьезных провинностях было необходимо доносить шихтмейстеру и обязательно фиксировать все в особой дневальной книге. Таким образом, Татищев хотел ликвидировать произвол. И даже за пьянство, которое Татищев воспринимает как величайшее зло, он предлагает заставлять принудительно работать и не платить жалованья, но не наказывать физически. Эта тема развивается им в 1723 г., когда он добавляет: «Ничто так ремесла не вредит, как пьянство, того ради оного над мастерами надзирать, ибо он сам и подсудным своим даст причину гулять или что испортит. Того ради, как им за их ремесло большая зарплата, так их за пьянство и противность более наказывать вычетом денег и другим образом» (С.55).

По отношению к преступникам, обвиняемым в серьезных нарушениях закона, Татищев осторожно предлагает: «Ежели кто достоин будет по делу пытать, в воровстве или в ином каком деле, оных прежде не пытать, доколе весма обстоятельства его вины доказаны будут ясно. Ежели ж, хотя мало сумнительно будет, о таких писать к нам подлинно» (С.54). Татищев по-своему понимал справедливость и гуманность. Но в рамках представлений того времени он хотел во всем видеть разумное начало. Так, он предлагал установить систему мужицкого (народного) контроля над сборщиками денег (2 глава), замечая при этом, что проверяющий должен быть «письма умеющего, человека доброго, кому можно верить» (С.56).

Рачительный хозяин чувствует себя в нем особенно, когда он пишет свои указания о расходовании денег (3 глава). Он требует

обязательного информирования каждого о том, сколько и за что им денег получено «дабы казне... и работающему обиды не учинить».

Увеличение или уменьшение жалования должно быть обосновано: за «труд и искусство прибавить», а за «неисправность или пьянство убавить», о чем тут же сообщить начальству «письменно».

Глава 4 «О содержании мастеров и их должности» демонстрирует прекрасное знание Татищевым особенностей производства, он тщательно расписывает обязанности каждого, обращая особое внимание на личную ответственность мастеров за качество работы. В 1723 г. он четко определяет: «Мастер во всяком ремесле имеет назван быть, которой свое ремесло обстоятельно знает и един над многими надзирать и исправлять может, наипаче, дабы был прилежен, верен, трезв и разсудителен, за что таковой должен быть пред подмастерьями, учениками и работниками почитаем» (С.52). Так и видится в этих положениях мечта Татищева иметь на заводах трезвых, добросовестных и ответственных работников, умелых, грамотных специалистов и думающих людей, отвечающих нравственным требованиям времени.

Татищева волнует эффективность работы. В сложнейших условиях Урала, при отсутствии свободной рабочей силы, он делает важное разграничение между типами работ — урочной и подельной. И в главе 6 о «работниках слоботцких и вольных» отдает предпочтение «урочной», ибо над подельщиками надо много «надсмотрщиков». Пытается Татищев отделить понятие работы для государства, как это было задумано при формировании института приписной деревни, от работы крестьян на частных лиц. В этой же статье он специально оговаривает недопустимость смещения и предлагает негосударственные работы оплачивать из собственного кармана нанимателя. Устанавливает общие для всех нерабочие дни, соединяя систему христианских праздников и государственных. Всего набегало не так уж мало: примерно треть года. В дальнейшей работе над «Наказом» Татищев введет и ограничение рабочего дня для разных времен года.

Глава 5 «О хранении лесов» является первым государственным экологическим предписанием. До этого пользование природой происходило в рамках требований традиционной культуры. Заводское производство разрушает этические принципы долговременного использования богатств природы, делая приоритетными интересы сегодняшнего дня. Татищев не только дает предписание экономного исполь-

зования природных ресурсов, но еще и воспитывает, приводя примеры из экономики других стран, где на малом количестве лесов заводы работают сотни лет. Татищев считает, что леса изводят «по небрежению и лености». Он рассматривает конкретные примеры бесхозяйственного отношения к лесу, когда оставляют много отходов и не употребляют их на дрова, а каждый раз предпочитают рубить целое дерево, рубят без меры для строений, а потом не могут вывезти, рубят молодой лес «на колья». Перед нами одна из первых для Урала попыток воспитать бережное отношение к природе, исходя из государственных интересов. В следующем варианте «Наказа» добавлены требования к содержанию в порядке дорог, пожарной безопасности и озеленению поселков.

Заботит Татищева грамотность народа. Он указывает на необходимость строительства школ «дабы здешний так простой и упрямой народ, хотя мало во обычаях чтением книг пременить, и во услуги е.в. способнейших учинить, заводы же довольством письмо умеющих в лучшее состояние и размножение привести...». Подробно описывается все вплоть до внутреннего устройства школы «с красными окошками, столами и лавками». Татищев требует обучать не только грамоте, но и страху божьему, почитанию властей, «всякому честному и порядочному опхождению». В то же время, как и на производстве, его заботит качество обучения, чему должны способствовать контроль за дьячками-учителями и обязательность посещения занятий. Он предлагает за пропуски наказывать штрафом (копейка за каждый пропущенный день). Татищев стремится внушить уважение к образованию, обещая реальные блага: грамотность должна избавить от «салдатской, матросской и другия невольныя службы» и «сверх того всегда им большее пред другими жалованья дастся» (С.63).

Мысль о нравственности, воспитании достоинства с детства диктует Татищеву следующее правило в «Наказе» 1723 г.: «Доколе оные ученики в школе, суть, не имеют над ними никто суда и власти, кроме учителя, разве дело коснется великое, то судить, где отец его судим» (С.89).

Условием успешного функционирования заводов является спокойная обстановка, поэтому Татищев разрабатывает специальные меры безопасности и гарантию независимости команды драгун. На службу нельзя принимать случайных людей, а наказывать драгуна

может только непосредственный начальник — сержант и никто более. Татищев вводит принцип материальной заинтересованности в раскрытии краж, растамаживании, требует оплаты драгуна частными лицами при исполнении им дополнительных работ (доставка писем и пр.).

Заводской быт, новый тип жизни разрушал традиционную заботу о стариках, которую ранее брали на себя родственники и сельская община. Поэтому Татищев приказывает организовать специальные богадельни при заводах и принимать туда стариков, проработавших не менее 5 — 6 лет на предприятии. Им за счет казны и разного рода отчислений гарантируется ночлег, пропитание и уход. Допускается сбор милостыни и работа, но при совместном использовании доходов. Трогает своеобразная забота Татищева о провинившихся, которых он предлагает наказывать постом, «ибо иного наказания снести не может» (С.62). Развивая идею организации социальной защиты, Татищев приходит к необходимости создания аптек и оплаты работы врачей, хотя «грубых сердца понять этого не хотят». Лекарь должен был навещать тяжелых больных ежедневно и помогать не только лекарством, но и советом и разговором, при этом только пьянство и «самохотные» болезни лечить за плату.

Думает Татищев о соблюдении чистоты в заводских поселках. В статье «О профосе» говорит о соблюдении мер гигиены в домах и на заводе. С откровенностью восемнадцатого века он указывает на своеобразную профилактику порядка на заводах: «Ему ж (профосу — Л.С.) иметь всегда к наказанию явному и истезанию припасы в готовности и добрые. А за труд ему, от пытки или кого кнутом высечь давать вместо жалованья по десяти копеек за человека» (С.65).

Исследователи отмечают особый тип рабочего человека, отразившийся как в фольклоре, так и в литературе Урала (Д.Н.Мамин-Сибиряк, Ф.М.Решетников, П.П.Бажов). Он отличается чувством собственного достоинства, высокой оценкой мастерства и добросовестной работы, наличием «живинки в деле» (так образно назвал творческое начало Павел Бажов). Немалый вклад в формирование такого типа человека внесли идеи Татищева. Необходимо признать, что если и не все было реализовано в полной мере, как он задумывал⁸, то в дальнейшем становлении как частного, так и государственного производства уже было невозможным игнорирование социаль-

ных разработок Татищева и принципа системного подхода к развитию края⁹. «Наказ» служил образцом для дальнейшей разработки местного законодательства и обладал значением публицистического выступления, декларируя систему взглядов просветителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Попов Н. В.Н.Татищев и его время. М., 1861. С.20 — 22.
- ² Юхт А.М. Государственная деятельность В.Н.Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII века. М., 1985.
- ³ Научное наследство. Т.14. Татищев В.Н. Записки. Письма 1717 — 1750 гг. М., 1990. С.69 — 95, 294 — 305. Второй вариант «Наказа» был подписан Генниным, но Н.К.Чупин убедительно доказал авторство Татищева. (Чупин Н.К. В.Н.Татищев: Жизнь его с 1722 до 1734 г.//Чупин Н.К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Пермь, 1882. Вып.1. С.82). Все комиссары казенных заводов в своей деятельности руководствовались наказом 1723 г., вплоть до 1735, когда был составлен Заводской устав. См.: Маньковский Г.И. Горнозаводской устав Татищева//Труды ин-та истории естествознания и техники. М.,1957. Т.9. С.107 — 124.
- ⁴ Колесов В. Домострой без домостроевщины// Домострой. М., 1990. С.14.
- ⁵ См. подробнее: Петров А.А. Общественно-политическая и философская мысль России первой половины XVIII века. Иркутск, 1974.
- ⁶ Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С.92.
- ⁷ Научное наследство. Т.14. С.52. Далее указываем страницы в тексте по этому изданию.
- ⁸ О неоднозначном отношении владельцев частных заводов к социальной программе Татищева см.: Павленко Н.И. «Наказ шихтмейстеру» В.Н.Татищева//Исторический архив. М.;Л., 1951. Т.VI. С.229 — 235.
- ⁹ Различного рода деловые регламентирующие документы играли большую роль в государственной жизни России XVIII в., но не все обладали публицистическими качествами. (См.: Волков С.И. Инструкция управителям дворцовых волостей 1731 г.//Исторический архив. М.;Л., 1951. Т.VI. С.156 — 198.)

